

Исследовательская статья

УДК 296.1

<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-4-24-55-66>

ЗВЕЗДА ОТ ИАКОВА, ЖЕЗЛ ОТ ИЗРАИЛЯ: ОБРАЗ ЦАРЯ ДАВИДА В СВЯЩЕННИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

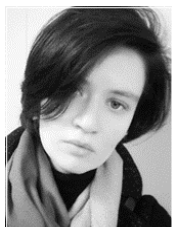
Александра Юрьевна Сгоннова

Московский финансово-юридический университет, Москва, Россия

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия

aleksandrasgonnova@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-1483-8600>

Аннотация. В статье рассматривается особенность раскрытия темы царской власти в идеологии священников раннего иудаизма. Этот период важен для исследователей иудаизма, поскольку именно тогда закладывались основные представления о властных институтах общества, их атрибутах, функциях и особенностях. Наибольшую значимость здесь имеет институт царской власти, который трансформируется от чисто светского в сторону религиозного: царём становится священник. Данное исследование посвящено тем аспектам данных трансформаций, которым ранее не уделялось должного внимания: рефлексии авторов эпохи над образом библейского царя Давида и его месте в новом учении о власти. Помимо осмысления в рамках парадигмы светской власти, этот образ играл важную роль в становлении священнической идеологии указанного периода. Исследование сосредоточено вокруг трёх источников (1-я Маккавейская книга, книга «Премудрость Иисуса, сына Сирахова» и Дамасский Документ). Обоснован вывод, согласно которому развитие восприятия царя Давида проходило по крайней мере в нескольких направлениях. Первое не отрицало возможность возвращения царя из династии Давидов, однако концентрировало внимание на построении нового учения о власти, в центре которого находится избранный священник. Второе направление представляло царя Давида как фигуру из прошлого, создавая новое учение о власти, где главой общества может стать только священник. Третье же направление, представленное Кумраном, радикально пересматривало пророчества о возвращении Давидов на престол: в их представлении «царём Давидом» становилась их собственная община, претендующая на главенство в Израиле.

Ключевые слова: царь Давид, ранний иудаизм, священническая идеология, царская власть, Кумран, 1-я Маккавейская книга, Дамасский Документ, литература Премудрости

Для цитирования: Сгоннова А.Ю. Звезда от Иакова, жезл от Израиля: образ царя Давида в священнической идеологии // Концепт: философия, религия, культура. — 2022. — Т. 6, № 4. — С. 55–66. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-4-24-55-66>

Research article

STAR OF JACOB, AND A SCEPTRE OF ISRAEL: KING DAVID'S IMAGE IN PRIEST IDEOLOGY

Aleksandra Yu. Sgonnova

Moscow University of Finance and Law, Moscow, Russia
St. Tikhons Orthodox University, Moscow, Russia
aleksandrasgonnova@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-1483-8600>

Abstract. This article examines the peculiarities of royal power's representation in the ideology of priests in early Judaism. Researchers of Judaism deem this period important since it is then that the basic ideas about the power institutions of society, their attributes, functions, and features were laid. The institution of the royal power appears to be the most significant here: this power transforms from purely secular to religious, and the priest becomes the king. This research is devoted to the aspects of these transformations that were not previously given due attention: the reflection of the authors who lived during this epoch upon the biblical king David's image and his place in the new doctrine of power. Besides the understanding of the image within the scope of secular power, it also played an important role in the formation of priestly ideology in the period examined. Exploring the data from three sources (*The 1st Book of Maccabees*, *The Book of Sirach*, and *The Damascus Document*), the author concludes that the development of King David's image perception took place in the following directions. The first one did not deny the possibility of the Davidic dynasty heir's return but focused its attention on building a new doctrine of power, which would center around the figure of the elected priest. The second direction represented King David as a figure of the past, creating a new doctrine of power, where only a priest could lead the society. The third direction, represented by Qumran, radically revised the prophecies about the return of David's bloodline to the throne: in their view, the Qumran community becomes King David by itself and receives primacy in Israel.

Keywords: king David, Early Judaism, priestly ideology, king's power, Qumran, 1 Maccabees, Damascus Document, Wisdom Literature

For citation: Sgonnova, A. Yu. (2022) 'Star of Jacob, and a Sceptre of Israel: King David's Image in Priest Ideology', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 6(3), pp. 55–66. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-4-24-55-66>

Период раннего иудаизма представляет собой сложную для исследования картину. В отличие от допленного периода, власть царя в Иудее появляется на краткий срок: большую часть времени

данная территория находится либо под протекторатом другого государства (Вавилон, Египет), либо власть сосредотачивается в руках народных вождей, либо священников. Однако тема царя не уходит

из религиозного сознания народа, активно развиваясь в текстах эпохи.

Важнейшей фигурой в данном дискурсе является фигура библейского царя Давида. Ожидание реставрации царя-Давида на престоле Израиля нашло своё отражение в представлениях о Мессии от Давида. Этот феномен сегодня достаточно глубоко изучен в разных аспектах, включая религиозно-ведческий [Evans, 2000; Yarbrow Collins, 2007; Yarbrow Collins, Collins, 2008; Fernandez-Marcos, 2001; Fitzmeyer, 2000; Willitts, 2007; Painter, 1993].

Представленное ниже исследование направлено на другой, более специфический аспект ожидания возвращения царя Давида, оставшийся по многим причинам без внимания. Цель статьи — показать, как это ожидание реализовывалось в текстах, отражающих священническую идеологию.

Б. Мак пишет, что в данный период «фигура первосвященника становится центром идентичности еврейского народа» [Mask, 1988: 21]. После возвращения в Иудею власть берут в свои руки священники. Иосиф Флавий считал священников не только правителями народа, но и судьями. Часть из них, как полагают комментаторы (1 Макк. 7:12), представляли собой писцов [Koij, 2010: 62]. Их авторитет также повышался за счёт знания Библии и Закона. Однако священство постепенно утрачивало свой авторитет, эллинизировалось и, с приходом Хасмонеев, всё более отдалялось от народа.

Идея священства в данном периоде не представляет собой монолитного учения. Оно развивается в двух условных направлениях: официального Храмового богословия, идеализирующего представителей хасмонейской династии, и оппозиционной (кумранской) литературы. И в том, и в другом варианте присутствует своего рода саморефлексия относительно роли посредника между Богом и человеком. В каждом отдельном случае можно говорить об особом наборе признаков и паттернов, обусловленных тем, что идеология священников в рамках новой реальности, где они стали вождями народа, только укрепилась. Зачастую она или полемизирует внутри самой себя, прежде всего об идеале

священника как правителя, или же вступает в конфронтацию с образом праведника и знатока Закона.

Можно предположить, что легитимация священников как вождей народа или же просто авторитетных личностей происходила несколькими путями, описанию которых в данном исследовании уделено особое внимание. Что, в свою очередь, потребовало обращения к документам эпохи с чётко выраженной линией восприятия царской власти через потомков Давида в 1-ой Маккавейской книге, в книге «Премудрости Иисуса, сына Сирахова» и в Дамаском Документе. Эти источники охватывают период с III в. до н.э. по I в. н.э. и были созданы по прошествии 8–10 веков со времени правления царя Давида.

На их примере мы попытаемся сформулировать, какое именно место занимала фигура царя Давида в священнической идеологии в раннем иудаизме.

1-я Маккавейская книга

Первая Маккавейская книга повествует о восстании Маккавеев. Верхняя граница создания этого текста определяется датировкой «Иудейских Древностей» Иосифа Флавия: историк цитирует этот текст в своей книге, хотя не относит его к числу священных текстов [Книги Маккавеев, 2014: 16]. Греческий перевод был осуществлён непосредственно с древнееврейского языка [Evans, 2005: 20].

Прежде чем обратиться к разбору данного произведения, имеет смысл выявить основные черты истории Давида, которые становятся основополагающими для описания царской власти по типу библейского царя.

Во-первых, в центре истории 1–2 книги Царств конфликт между двумя царями, одним избранным Богом, и вторым отвергнутым Им, а именно: Давидом и Саулом. Важная особенность повествования — присутствие Пророка, который является связующим звеном между Богом и народом Израиля. Давид, в отличие от Саула, сохраняет своё богоизбранничество в силу личных качеств: смирения и следования воле Бога. Результатом его поведения стан...

ся обетования его роду, который будет править (2 Цар. 7:10–17).

Во-вторых, как отмечает Шмаина-Великанова, особенностью истории 1–2 книги Царств является то, что Давид буквально любимый (לָאוֹהָב, «любимый», «возлюбленный»). Его любят сын царя Ионафан и дочь царя Мелхола [Шмаина-Великанова, 2010: 81]. Их любовь помогает ему избежать опасности и спастись от смерти.

В-третьих, цель Давида — следовать указанием Бога и, как следствие, получить престол.

В-четвертых, Давид — военный предводитель и глава восстания, подготовленного им, когда он бежал в горы (1 Цар. 21:10–22:2).

Как отмечают комментаторы 1-ой Маккавейской книги [Книги Маккавеев, 2014: 21], образ Иуды Маккавея написан на основе образа Давида. Аргументируют они это совпадением нескольких вещей: повстанческим движением в горах и фактом того, что Иуда забирает меч Аполлония и упоминает Давида, победившего Голиафа, а также и Ионафана, который помог своему отцу одержать победу над врагами.

Однако, если мы внимательно рассмотрим контекст 1–2 книги Царств и 1 Маккавейской книги, то увидим, что в основных пунктах история восстания Маккавеев не является попыткой адаптировать давидовский тип легитимации власти.

Прежде всего, центральная история для Маккавейской книги — отстаивание Закона и Завета. Ревность и исполнение Завета в истории Маккавеев — важнейшие темы, вокруг которых складывается священническая идеология.

Иуда Маккавей, хотя и описывается военным лидером, отличается от Давида. Иуда Маккавей — «смолоду сильный воитель, будет вам военачальником и ведёт войну с язычниками» (1 Макк. 2:66). Цель же Давида — не борьба с язычниками, а получение престола и обетования своему роду.

Также Иуда не имеет истории избрания Богом или же пророческого помазания, в то время как история Давида — история прямого конфликта между царём отверженным и царём, которого благо-

словил Бог. Иуда в личный конфликт не вступает.

Не Иуда бежит от завоевателей в горы, а его отец Маттафия. Цель их — не спрятаться от гнева царя, но очистить Израиль от скверны. Цель Иуды — восстановление исполнения Закона, очищение Храма и ревность о Боге. В своей ревности он больше напоминает Илию [Farmer, 1956: 49].

Рядом с Иудой нет ни жены, спасающей его от отца, ни друга, который умирает за него.

Помимо всего вышеописанного в тексте 1-й Маккавейской книги мы можем уловить скрытую полемику с историей Давида: в ней дважды (1 Макк. 3:38, 14:41) говорится о том, что нововведения будут существовать, пока «не восстанет пророк верный». Пророк является важной фигурой для легитимации царской власти: как мы говорили выше, он передаёт царю постановления Бога. То, что Симеон становится царём, идёт вразрез с традиционной монархией Израиля: царю требуется помазание от Пророка, а первосвященник — уже помазанная фигура. Такая условность — «пока не восстанет пророк верный», как отмечают исследователи [Книги Маккавеев, 2014: 209], отражает попытку примирить враждующие стороны конфликта: монархистов и приверженцев Маккавеев.

Голдштейн [Goldstein, 1988: 94], также обращает внимание на 56–62 стихи 1 Маккавейской книги: «Услышали Иосиф, сын Захарии, и Азарий, военачальники, о славных воинских подвигах, совершённых ими, и сказали: сделаем и мы себе имя; пойдём воевать с язычниками, окружающими нас. Так объявили они бывшему при них войску и пошли на Иамнию. И вышел Горгий из города и воины его навстречу им на сражение. И, обратившись в бегство, Иосиф и Азария были преследуемы до пределов Иудеи; и пали в этот день из народа Израильского до двух тысяч мужей. И было великое замешательство в народе Израильском, потому что не послушались Иуды и братьев его, мечтая показать храбрость, тогда как они не были от семени тех мужей, руке которых предоставлено спасение Израиля» (1 Макк. 5:56–62). Как полагает Голдштейн, 62 стих является аллюзией 2 книги

Царств (Цар. 3:18). Он также полагает, что узурпация прав Давида Хасмонеями видна в Псалме Соломона: «Но мы понадеемся на Бога, Спасителя нашего, ибо сила Бога нашего вовеки с милостью, и Царствие Бога нашего во веки в суде над народами. Ты, Господи, избрал Давида царём над Израилем, и Ты клялся ему о семени его навеки, да не угаснет пред Тобою царство его» (Пс. Сол. 17:3–4). С этим мнением полемизировал Дж. Коллинз, говоря, что вполне возможно автор 1 Макковейской книги не отрицал надежды на восстановление линии Давида, но относил её к эсхатологическому будущему, в то время как в современности законными правителями оставались наследники Иуды Маккавея [Collins, 1988: 104].

Тема праведности Маккавеев и восстановление Храма — это попытка противопоставить свою любовь к Закону отступничеству остального священнического сословия [Grabbe, 2010: 67].

Большинство учёных, как отмечает Даброва [The Hasmoneans and their State..., 2010: 106], расходятся во мнении относительно того, чем являлась форма правления Маккавеев: царственным священством (формой правления, при которой только первосвященник обладал царским статусом) или же священнической монархией (когда царь полностью или частично получает право совершать религиозные ритуалы, как было, в частности, в Месопотамии). Однако какой бы ни была форма правления, она в корне отличалась от форм правления других ближневосточных государств.

Отсылки к образу Давида встречаются во многих местах: как отмечают переводчики, авторы опираются на 1–2 книги Царств (1 Макк. 4:31 ср. 1 Цар. 5:12, 1 Цар. 4:5–6; 1 Макк. 7:47 ср. 1 Цар. 17:54; 1 Макк. 9:21 ср. 2 Цар. 1:19 и т.д.).

Помимо прочего в данной книге широко используются отсылки к другим героям Библии. Автор, описывая деяния Маккавеев, сравнивает их с персонажами ранней библейской истории, избегая при этом явных ассоциаций. В том числе, когда воспеваются деяния Иуды Маккавея, есть намёк на пророчества, в частности Ис. 11:12, Ис.

12:5, Ис. 52:12, Иез. 36:4, в 1 Макк. 14:4–15 используется Лев. 26:4; Иез. 34:27; Зах. 3:10, 8:4, 12; Мих. 4:4. Однако нигде нет прямого цитирования [Goldstein, 1988: 76–77].

1 Макковейская книга созвучна и книге «Премудрости Иисуса, сына Сирахова»: 1 Макк. 52–62 напоминает речь о праотцах в Сир. 44:1–9. Здесь Маттафия похож на Финееса: они оба «ревнуют ревностью» (ἐν τῷ ζηλωσῶναι ζῆλον). Финеес в ревности о Боге убивает Замврия, вступившего в брак с язычницей, тем самым отвратив гнев Бога от народа: «Финеес, сын Елеазара, сына Аарона священника, отвратил ярость Мою от сынов Израилевых, возревновав по Мне среди них, и Я не истребил сынов Израилевых в ревности Моей» (Чис. 25:1–18). За этот поступок Финеес получает дар вечного священства [Книги Маккавеев, 2014: 101].

Этот отрывок подчёркивает важность того, что Маккавеи — не потомки Садока, но могут возглавить общество. Авторы 1 Макковейской книги также обращаются и к книгам Судей: в 1 Макк. 9:21 Иуда назван Спасителем Израиля (σώζων τὸν Ἰσραὴλ), равно как и судья Гофониил (Суд. 3:9, 31). Ионафан оказывается судьёй, как и Иисус Навин (1 Макк. 9:73). Интересен тот факт, что при описании царской власти авторы обращались к образу судей, которые, фактически, являются предшественниками монархии. Возможно, это была попытка показать, что власть Хасмонеев выше, чем власть Давида [Berthelot, 2007: 46]. Иуда строит городскую стену вокруг Сиона (1 Макк. 3:60), Симон у Сираха отстраивает городские стены и восстанавливает Храм (1 Макк. 13:50–53).

Мы предполагаем, что такое смещение оптики служит главной цели авторов 1-ой Маккавейской книги: показать, что, несмотря на важность воплощения образов древности в Маккавеях, они имеют свой собственный, отличный от древних правителей путь.

Для этого, в частности, автором используется определённая лексика: он избегает слова «царь» («βασιλεὺς»), обращаясь к другим титулам.

Однако наиболее интересные и яркие эпитеты оценки деятельности получают

Симон: он «согласился первосвященствовать, быть военачальником и правителем иудеев и священников и быть за всех заступником» (1 Макк. 14:47); в письмах он именовался «Симон, великий первосвященник, военачальник и правитель иудеев» (Σίμωνος ἀρχιερέως μεγάλου καὶ στρατηγοῦ καὶ ἡγουμένου Ιουδαίων).

Обычно для передачи еврейского слова מלך (досл. «царь») Септуагинта использует два греческих слова: βασιλεύς («царь», напр. Быт. 23:6) и ἄρχων («предводитель», Быт. 17:16). Иезекииль употребляет ὁ ἀφῃγούμενος («предводительствующий», Иез. 40–48). Как полагает Селезнев, отказ от использования слова «царь» в греческом переводе представляет собой мировоззренческую позицию переводчиков [Селезнев, 2017: 60]. Вевюрко считает, что использование βασιλεύς и ἄρχων зависело от конкретной ситуации, в которую был поставлен автор или переводчик текста [Вевюрко, 2018: 584].

Также для обозначения властной фигуры может использоваться слово ἡγούμενος (букв. «ведущий», «начальник»). Предводителем («ἡγούμενος οἴκου κυρίου», «начальник в доме Господнем», ср. 2 Пар. 31:13.) назван священник Пасхор (Иер. 20:1), Иоддай от племени Аарона (1 Пар. 12:27). Мы предполагаем, что использование Симоном слова ἡγούμενος несёт двойной смысл:

- В Иер. 20:1 и 2 Пар. 31:13 используется устойчивое выражение «ἡγούμενος οἴκου κυρίου», «начальник в доме Господнем». Возможно, здесь авторы 1-й Маккавейской книги предполагают, что Симон является не только главным в Храме (доме Господнем), но и в Израиле.

- 1 Пар. 12:27 использует слово ἡγούμενος (возможно, как один из синонимов) для указания на предводителя рода священников от Аарона. Не претендуя на роль царя (βασιλεύς или ἄρχων), Симон Маккавей занимает новое положение — предводитель иудеев, совмещающий свою должность с ролью первосвященника. Титул царя (βασιλεύς) возьмет себе только Аристократ Хасмонеи, прибавив его к своему первосвященническому титулу. Возможно, к данному периоду идея о возвращении царя Давида и незаконности

власти Хасмонеев угаснет [Atkinson, 2016: 80].

Авторы 1-ой Маккавейской книги широко используют образ Давида, наделяя героев истории схожими чертами. Мы можем проследить, как трансформируется идея царственного достоинства священнической семьи: несмотря на близость к фигуре библейского царя, Маккавеи не претендуют на царство. Они — народные предводители, к которым применим термин не βασιλεύς, а ἡγούμενος. Их задача не получение престола или обетования роду, а праведность и ревность о чистоте Закона.

«Премудрость Иисуса, сына Сирахова»

В эпоху раннего иудаизма среди наиболее интересных нас книг рассмотрим книгу «Премудрости Иисуса, сына Сирахова». Время её написания — начало III в. до н. э., также некоторые учёные считают её автобиографической [Himmelfarb, 2007: 30; Evans, 2005: 14; Collins, 1997: 34; Murphy, 1965: 23]. Есть предположение, что сам Сирах был не только писцом, но и священником, что наложило определённый отпечаток на текст произведения [Himmelfarb, 2007: 30].

Можно выделить в данном произведении две важные для нас темы: тему монархии, в частности оценка деятельности Давида, а также тему священника, который занимает место царя.

Давид описывается как один из центральных персонажей библейской истории. Разбирая раннюю историю, автор проводит тонкую грань между священническим служением и служением царей и судей: священникам дана «власть в постановлениях судебных» (Сир. 7:21), чтобы учить и наставлять людей в Законе (и в данном случае имеет место некое смешение образа толкователя Закона с образом священника, что характерно для Сираха), а цари становятся военными лидерами. Давиду Господь «дал крепость правой руке... поразить человека, сильного в войне... Так прославил народ его..., как достойного венца славы, ибо он истребил окрестных врагов и смирил враждебных Филистимлян, — даже доныне сокрушил рог их» (Сир. 47:6–8). Линия Моисея также связана с пророчеством,

и все последующие поколения либо пророчествуют (как Самуил), либо имеют рядом с собой Пророка (как Давид и Нафан).

Помимо «венца славы» (διάδημα δόξης), Господь «вознёс рог его и даровал ему завет царственный и престол славы в Израиле» (ἀνύψωσεν εἰς αἰῶνα τὸ κέραс αὐτοῦ καὶ ἔδωκεν αὐτῷ διαθήκην βασιλέων καὶ θρόνον δόξης ἐν τῷ Ἰσραὴλ, Сир. 47:13). Автор называет четыре важных атрибута царя: вышеупомянутые рог (что в библейском контексте может быть равнозначно царскому жезлу) и венец Славы, а также завет и трон.

Как полагает Химмельфарб [Himmelfarb, 2007: 38] и Коллинз [Collins, 1997: 73], несмотря на позитивное описание Давида и несомненную тоску по правителю, Сирах придерживается мнения, что в данный исторический момент Израиль не нуждается в царе. Это видно из того, сколько глав автор Сираха посвящает тому или иному персонажу: Давиду посвящено десять стихов (Сир. 47:2–11), Соломону — десять (Сир. 4:12–23а), Илии — один (Сир. 48:1–2), в то время как Аарону семнадцать (Сир. 45:6–22), а первосвященнику Симону — двадцать четыре (50:1–24) [Garbini, 2003: 72]. Автор не упоминает о возможности восстановления царя на престоле, и вводит конкурирующую с ним фигуру первосвященника Симона. Это проистекает из убеждённости, что теократическая система власти является единственно верной, поскольку первосвященник — единственно возможный посредник между Богом и человеком.

Исходя из вышеизложенного образ первосвященника становится одним из центральных в «Премудрости Иисуса, сына Сирахова». Отвергая необходимость возвращения к царской фигуре, автор сосредотачивает своё внимание на оправдании священнического служения, наделив его всей полнотой властных признаков.

Прежде всего он описывает фигуру Аарона как Избранника:

1. Господь «постановил с ним вечный завет и дал ему священство в народе» (Сир. 45:8). Его завет отличается от завета Моисея: «ему постановлено в вечный завет и семени его на дни неба, чтобы они служили

Ему и вместе священнодействовали и благословляли народ Его именем Его» (Сир. 45:19).

2. Также в дополнение к этому завету, по просьбе Финееса, заключается ещё один завет — «завет мира, чтобы быть ему предстоятелем святых и народа своего, чтобы ему и семени его принадлежало достоинство священства навеки» (διαθήκη εἰρήνης προστатеῖν ἁγίων καὶ λαοῦ αὐτοῦ, ἵνα αὐτῷ ἡ καὶ τῷ σπέρματι αὐτοῦ ἱερωσύνης μεγαλείον εἰς τοὺς αἰῶνας, Сир. 45:29). Линия Аарона сравнивается с линией Давида: «Как по завету с Давидом, сыном Иессея из колена Иудина, царское наследие переходило от сына к сыну, так наследие священства принадлежало Аарону и семени его» (Сир. 45:30). Фактически, автор утверждает не просто равное достоинство того и другого рода: завет Аарона и Финееса был дан намного раньше и имеет большее значение, поскольку не был осквернён недостойными правителями.

3. Одевание Аарона напоминает одежду в 1 и 2 книге Еноха, когда патриарх возносится на небеса: «опоясал его поясом славы» (περίστολῃν δόξης, Сир. 45:8), «на кидаре его — золотой венец, знамение святыни, слава достоинства» (στέφανον χρυσοῦν ἐπάνω κιδάρεως, ἐκτύπωμα σφραγίδος ἁγιάσματος, καύχημα τιμῆς, Сир. 45:14).

4. Моисей помазывает Аарона: «Моисей наполнил руки его и помазал его святым елеем» (ἔχρισεν αὐτὸν ἐν ἐλαίῳ ἁγίῳ, Сир. 45:18). Таким образом Аарон становится Помазанником. Это сближает «Книгу Премудрости» с Кумранским циклом текстов, где священники также обозначены как «Помазанники».

5. Потомки Аарона — привилегированная часть Израиля, поскольку Бог «Сам удел и наследие его» (Сир. 45:27).

6. Самая важная функция потомков Аарона: помимо права служить Богу и благословлять Его Именем, они получили от Бога «заповеди и власть в постановлениях судебных, чтобы учить Иакова откровениям и наставлять Израиля в законе Его», «судить народ Его справедливо» (Сир. 45:21, 31).

Далее автор Сираха уделяет особое внимание фигуре первосвященника Симона.

Он награждается полнотой царской власти: восстановил Храм и «укрепил город против осады» (Сир. 50:4). При описании величия Симона Сирах употребляет два выражения: «Как величествен был он среди народа... Как утренняя звезда среди облаков... как солнце, сияющее над храмом Всевышнего». (Сир. 50:5–7).

В данную эпоху усиливается ожидание «звезды от Иакова и жезла от Израиля» (Чис. 24:17–18). Солнце является не только символом блистательности Симона и приближенности его образу Второго Владычества из Дан. 7. Как отмечает Вевюрко: «о нём сказано, что оно сияет “над храмом Всевышнего” (ἐπὶ τῷ ὑψίστου)». Автор использует здесь приём раздваивающегося смысла: “храмом Всевышнего” является, конечно, прежде всего небесный купол, как и “облаками славы” (букв.: νεφέλαι δόξης) — небесные облака; но, вместе с тем, под облаками разумеются клубы дыма, сквозь которые, как молния, блистают священные облачения, и равным образом “храм” — это собственно Иерусалимский Храм» [Вевюрко, 2018: 253]. Слава Господня, частый атрибут божественной манифестации, также описывается в библейской литературе сияющей подобно солнцу. Таким образом, Симон приобретает черты ожидаемого избранника и Бога (или Славы).

Для Сираха Симон обладает не только авторитетом царственного первосвященства, но и правом толковать Тору. В этом книга Сираха приближается к Дамасскому Документу и Правилу Общины, где право учительства закрепляется за сыновьями Садока. Симон является в данной главе не только священником и учителем, но и почти двойником Славы.

Таким образом, мы можем заключить, что и книга «Премудрости Иисуса, сына Сирахова» сближается с замыслом авторов 1-ой Маккавейской книги: оба документа раннего иудаизма говорят о важной роли Давида, но относят его славу к прошлому. Как и авторы 1 Макк., автор книги «Премудрости» развивает свой, отличный от Давида, тип царской власти. В обоих случаях мы можем говорить о переосмыслении функций священства в данный период.

Дамасский Документ

Документы Кумрана лояльно относятся к Давиду, в частности, другие тексты кумранской общины, такие как 11QPsa DavComp видят в библейском царе вдохновенного псалмопевца, а 4Q174 говорит о том, что Отрасль Давида станет рядом с Учителем Праведности и Толкователем Закона.

Дамасский Документ (традиционное сокращение — CD) представлен в Кумране несколькими рукописями: 4Q267, 4Q268, 4Q269, 4Q270, 4Q272, 4Q273. Самая ранняя датировка относится к периоду династии Хасмонеев, самая поздняя — к Иродианскому периоду [Baumgarten: 2].

Одновременно с этим Дамасский Документ умаляет значение фигуры Давида в израильской истории. Начальным тезисом может служить: «Сыны Садока — это избранные Израиля, величаемые по имени» (CD IV.3–4). В то время как израильтяне уклонялись от исполнения заповедей, потому что Садока всегда служили Богу.

Поскольку Израиль пал, то «не надо возводить род к Дому Иуды» (CD IV.11). Далее следует обличение Давида («Давид не читал книг Закона»), потому что Иисус Навин скрыл их, пока не пришёл Садок. Таким образом, полнота знания Закона и исполнения его отдается садокитам.

Вследствие этого пересматривается понимание «скинии Давида». С точки зрения Дамасского Документа, скиния — это книги Торы, а царь — это собрание. Подлежит пересмотру и обетование «звезды от Иакова и жезла от Израиля». В данном тексте звезда — это Толкователь Закона, жезл — фигура князя собрания.

Таким образом мы можем сказать, что Дамасский Документ не только отрицает возможность восстановления монархии Давидов, но и умаляет фигуру самого Давида.

Также интересную мысль мы находим в следующем тексте: «возвратившиеся из Израиля, выходцы из земли Иудейской, поселившиеся в земле Дамаска, которых Бог нарёк всех князьями» (CD VI.5–6). Подобное мы встречаем и в Свитке войны: «на трубах созывания начальников напишут: “князья

Божии» (1QM III. 3). Возможно, Кумранская община в раннем своём богословии имела представление о всеобщем царском достоинстве, подобном «царственному священству» апостола Петра (1 Пет. 2:9).

Как и 1 Макк., Дамасский Документ избегает разговоров о возрождении царской линии Давида, отдавая предпочтение потомкам Садока. Дамасский Документ начинается сценой уничтожения Израиля, который предал Бога. Однако Он вспомнил «Свой Завет с Первыми» (здесь авторами документа подразумеваются потомки Садока) и «оставил остаток Израилю и не предал их истреблению» (CD I.4–5). От Израиля и Аарона происходит «корень насаждения, дабы наследовать землю».

Основанием Кумранской идеологии является превосходство сыновей Садока: «Бог постановил им через пророка Иезекииля, сказав: “Жрецы, левиты и сыны Садока, которые охраняли Мою святыню, когда сыны Израиля уклонились от Меня подадут Мне тук и кровь”. Жрецы — это возвратившиеся Израиля, выходцы из земли Иудейской, а (левиты) — присоединившиеся к ним. Сыны Садока — это избранные Израиля, величаемые по имени, пребывающие (или: стоящие) в конце дней» (CD III. 21–IV.4).

Священники становятся лидерами общины: мы можем увидеть это в построении вертикальной иерархии власти. В общем собрании садятся «жрецы сперва, левиты вторыми, сыны Израиля третьими и пришелец четвёртым». В судебной области суд отдаётся «сынам Садока, жрецам, хранителям Завета и исследующим Его волю» (1QS.V.9).

Также функцией священства является свидетельство о милосердии Бога. Устав Общины (1QS. I.21–23) открывается пассажем, который представляет собой аллюзию на Втор. 27–28: священники свидетельствуют о милосердии Бога к Своему народу, пока левиты указывают на «лукавства сынов Израиля и все преступления их вины».

Можно сделать вывод, что Кумранские документы неоднозначно оценивают роль Давида. Прежде всего, здесь мы видим свидетельство позитивного понимания

как самого Давида (11QPsa), так и ожидания Мессии от Давида (4Q174). Однако главный текст общины — Дамасский Документ — радикально переосмысливает фигуру Давида, заменяя ожидание конкретного человека на существующую в это время общность потомков Садока, возглавивших Кумран.

Заключение

Представленные в данном исследовании документы показывают, сколь неоднозначным было восприятие фигуры Давида в контексте власти в период раннего иудаизма. Важность и нужность властной фигуры (царской или подобной царской) никогда не отрицались, однако выражались они авторами по-разному. Мы выделили три направления.

К первому направлению предположительно следует отнести 1 Макковейскую книгу, в которой образ Давида был воспринят лишь отчасти. Он стал отправной точкой для развития авторской идеи о том, что священники имеют свой собственный путь власти, который не является царским — они предводители народа. Условность принятия пути Давида видна в условии их власти: «доколе не восстанет пророк верный». Этим может обуславливаться и специфический выбор слов для обозначения власти: не βασιλεύς, а ἡγούμενος.

Ко второму можно отнести книгу «Премудрости Иисуса, сына Сирахова». Её автор, не отрицая важности фигуры библейского царя, обращается к фигуре первосвященника, наделяя её властными атрибутами. Он полностью игнорирует историю Давида, создавая свой собственный, уникальный паттерн царской власти, которым наделяет Аарона и Симона.

Наконец, третье направление радикально пересматривает ожидание восстановления падшей скинии Давидовой: под этой фигурой авторы Дамасского Документа понимают Кумранскую общину верных.

Результатом проведённого исследования является следующий вывод. Образ Давида представляет собой уникальный пример библейского персонажа, который вызывает очень неоднозначную и обшир-

ную полемику в тестах эпохи раннего иудаизма. Он оказывается интересен авторам этих текстов не только как идеал реального светского правителя. Важнейшие документы, в которых излагается священническая идеология, также обращаются

к образу этого библейского царя. Таким образом царь Давид становится фигурой, ключевой для описания властного дискурса в Израиле, — как прошлого, так и грядущего.

Список литературы:

- Вевюрко И.С. Септуагинта: древнегреческий текст Ветхого Завета в истории религиозной мысли. — Москва: Издательство МГУ, 2018. — 912 с.
- Селезнев М.Г. Βασιλεύς и ἄρχων [U1] в Септуагинте: греческие эквиваленты еврейского слова "царь" и отношение к царской власти в иудаизме III в. до н. э. // Шаги / Steps. — 2017. — Т. 3, № 4. — С. 47–63.
- Четыре Книги Маккавеев / под общ. ред. Н.В. Брагинской. — Иерусалим: Гешарим; Москва: Мосты культуры, 2014. — 630 с.
- Шмаина-Великанова А.И. Книга Руфи как символическая повесть. — Москва: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2010. — 254 с.
- Atkinson K. History of the Hasmonean State: Josephus and Beyond. — London: Bloomsbury Publishing, 2016. — 226 p.
- Baumgarten J.M. Introduction to Damascus Document // Discoveries in the Judaean Desert: (4Q266-273). Qumran Cave 4, XIII. The Damascus Document. Vol. 18. — Oxford: Clarendon Press, 1996. — P. 1–23.
- Berthelot K. The Biblical Conquest of the Promised Land and the Hasmonaeen Wars according to 1 and 2 Maccabees // The Books of the Maccabees: History, Theology, Ideology. — Leiden: BRILL, 2007. — P. 45–60. https://doi.org/10.1163/9789047418931_005
- Collins J.J. Messianism in the Maccabean Period // Judaism and their Messiahs at the Turn of the Christian Era. — Cambridge: Cambridge University Press, 1988. — P. 97–110. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511598159.006>
- Collins J.J. The Jewish Wisdom in Hellenistic Age. — Louisville: Westminster John Knox Press, 1997. — 228 p.
- Evans C.A. Ancient Texts for New Testament Studies: a guide to the background literature. — Massachusetts: Hendrickson Publishers, 2005. — 576 p.
- Evans C.A. Qumran's Messiah: how important is He? // Religion in the Dead Sea scrolls. — Grand Rapids, MI: Wm. B. Eerdmans Publ. Co., 2000. — P. 125–144.
- Farmer W.R. Maccabees, Zealots, and Josephus: An Inquiry into Jewish Nationalism in the Greco-Roman Period. — New York: Columbia University Press, 1956. — XIV, 239 p.
- Fernández-Marcos N. David the Adolescent: On Psalm 151 // The Old Greek Psalter: Studies in Honour of Albert Pietersma. — Sheffield: Sheffield Academic Press, 2001. — P. 205–217.
- Fitzmyer J. The Dead Sea Scrolls and Christian Origins. — Grand Rapids, MI: Wm. B. Eerdmans Publ. Co., 2000. — 308 p.
- Garbini J. Myth and History in the Bible. — Sheffield: Sheffield Academic Press, 2003. — 192 p.
- Goldstein J.A. How the Authors of 1 and 2 Maccabees Treated the "Messianic" Promises // Judaism and their Messiahs at the Turn of the Christian Era. — Cambridge: Cambridge University Press, 1988. — P. 69–96. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511598159.005>
- Grabbe L.L. An Introduction to Second Temple Judaism: History and Religion of the Jews in the Time of Nehemiah, the Maccabees, Hillel, and Jesus. — New York: Bloomsbury Academic, 2010. — 176 p.
- Himmelfarb M. Temple And Priests In The Book Of The Watchers, The Animal Apocalypse And The Apocalypse Of Weeks // The Early Enoch Literature. — Leiden: BRILL, 2007. — P. 219–235. <https://doi.org/10.1163/ej.9789004161542.i-368.72>

Kooij A. van der. *Authoritative Scriptures And Scribal Culture // Authoritative Scriptures in Ancient Judaism*. — Leiden: BRILL, 2010. — P. 55–71. https://doi.org/10.1163/9789004190740_005

Mack B.L. *Wisdom Makes a Difference: Alternatives to "Messianic" Configurations // Judaisms and their Messiahs at the Turn of the Christian Era*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1988. — P. 15–48. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511598159.003>

Murphy R.E. *Introduction to the Wisdom literature of the Old Testament*. — New York: Liturgical Press, 1965. — 163 p.

Painter J. *The quest for the Messiah: the history, literature, and theology of the Johannine community*. — Nashville: Abingdon Press, 1993. — XV, 492 p.

The Hasmoneans and their State: A Study in History, Ideology, and the Institutions / ed. Dąbrowa E. — Kraków: Jagiellonian University Press, 2010. — 212 p.

Willitts J. *Matthew's Messianic Shepherd-King: In Search of "The Lost Sheep of the House of Israel."* — Berlin, New York: De Gruyter, 2007. — 284 p. <https://doi.org/10.1515/9783110204162>

Yarbro Collins A. *Mark: A Commentary*. — Minneapolis: Fortress Press, 2007. — XLVI, 894 p.

Yarbro Collins A., Collins J.J. *King and Messiah as Son of God: Divine, Human, and Angelic Messianic Figures in Biblical and Related Literature*. — Grand Rapids, MI: Wm. B. Eerdmans Publ. Co., 2008. — 275 p.

References:

Atkinson, K. (2016) *History of the Hasmonean State: Josephus and Beyond*. London: Bloomsbury Publishing.

Baumgarten, J. M. (1996) 'Introduction to Damascus Document', in *Discoveries in the Judaean Desert: (4Q266–273). Qumran Cave 4, XIII. The Damascus Document*. Vol. 18. Oxford: Clarendon Press, pp. 1–23.

Berthelot, K. (2007) 'The Biblical Conquest of the Promised Land and the Hasmonaeen Wars according to 1 and 2 Maccabees', in *The Books of the Maccabees: History, Theology, Ideology*. Leiden: BRILL, pp. 45–60. https://doi.org/10.1163/9789047418931_005

Braginskaya, N. V. (ed.) (2014) *Knigi Makkaveev (Chetyre Knigi Makkaveev) [Four Maccabean Books]*. Jerusalem: Gesharim; Moscow: Mosty kul'tury. (In Russian).

Collins, J. J. (1988) 'Messianism in the Maccabean Period', in *Judaisms and their Messiahs at the Turn of the Christian Era*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 97–110. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511598159.006>

Collins, J. J. (1997) *The Jewish Wisdom in Hellenistic Age*. Louisville: Westminster John Knox Press.

Dąbrowa, E. (ed.) (2010) *The Hasmoneans and their State: A Study in History, Ideology, and the Institutions*. Kraków: Jagiellonian University Press.

Evans, C. A. (2000) 'Qumran's Messiah: how important is He?', in *Religion in the Dead Sea scrolls*. Grand Rapids, MI: Wm. B. Eerdmans Publ. Co., pp. 125–144.

Evans, C. A. (2005) *Ancient Texts for New Testament Studies: a guide to the background literature*. Massachusetts: Hendrickson Publishers.

Farmer, W. R. (1956) *Maccabees, Zealots, and Josephus: An Inquiry into Jewish Nationalism in the Greco-Roman Period*. New York: Columbia University Press.

Fernández-Marcos, N. (2001) 'David the Adolescent: On Psalm 151', in *The Old Greek Psalter: Studies in Honour of Albert Pietersma*. Sheffield: Sheffield Academic Press, pp. 205–217.

Fitzmyer, J. (2000) *The Dead Sea Scrolls and Christian Origins*. Grand Rapids, MI: Wm. B. Eerdmans Publ. Co.

Garbini, J. (2003) *Myth and History in the Bible*. Sheffield: Sheffield Academic Press.

Goldstein, J. A. (1988) 'How the Authors of 1 and 2 Maccabees Treated the "Messianic" Promises', in *Judaisms and their Messiahs at the Turn of the Christian Era*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 69–96. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511598159.005>

Grabbe, L. L. (2010) *An Introduction to Second Temple Judaism: History and Religion of the Jews in the Time of Nehemiah, the Maccabees, Hillel, and Jesus*. New York: Bloomsbury Academic.

Himmelfarb, M. (2007) 'Temple And Priests In The Book Of The Watchers, The Animal Apocalypse And The Apocalypse Of Weeks', in *The Early Enoch Literature*. Leiden: BRILL, pp. 219–235. <https://doi.org/10.1163/ej.9789004161542.i-368.72>

Kooij, A. van der (2010) 'Authoritative Scriptures And Scribal Culture', in *Authoritative Scriptures in Ancient Judaism*. Leiden: BRILL, pp. 55–71. https://doi.org/10.1163/9789004190740_005

Mack, B. L. (1988) 'Wisdom Makes a Difference: Alternatives to "Messianic" Configurations', in *Judaisms and their Messiahs at the Turn of the Christian Era*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 15–48. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511598159.003>

Murphy, R. E. (1965) *Introduction to the Wisdom literature of the Old Testament*. New York: Liturgical Press.

Painter, J. (1993) *The quest for the Messiah: the history, literature, and theology of the Johannine community*. Nashville: Abingdon Press.

Seleznnev, M. G. (2017) 'Βασιλεύς и ἄρχων в Septuaginte: grecheSkie ekvivalenty evreiSkogo Slova "tSar" i otnoShenie k tSarSkoι vlaSti v iudaizMe iii v. do n. e. [Βασιλεύς and ἄρχων in the Septuagint: greek tranSlationS of the hebrew word "king" and the attitude towardS kingS in', *Shagi / Steps*, 3(4), pp. 47–63. (In Russian).

Shmaina-Velikanova, A. (2010) *Kniga Ruffi kak simvolicheskaja povest' [Book of Ruth as symbolic novel]*. Moscow: In-t filosofii, teologii i istorii sv. Fomy Publ. (In Russian).

Vevurko, I. S. (2018) *Septuaginta: drevnegrecheskii tekst Vetkhogo Zaveta v istorii religioznoi mysli [Septuaginta: Herbraic Text of the Old Testament in the History of Religious Thought]*. Moscow: MSU Publ. (In Russian).

Willitts, J. (2007) *Matthew's Messianic Shepherd-King: In Search of 'The Lost Sheep of the House of Israel'*. Berlin, New York: De Gruyter. <https://doi.org/10.1515/9783110204162>

Yarbro Collins, A. (2007) *Mark: A Commentary*. Minneapolis: Fortress Press.

Yarbro Collins, A. and Collins, J. J. (2008) *King and Messiah as Son of God: Divine, Human, and Angelic Messianic Figures in Biblical and Related Literature*. Grand Rapids, MI: Wm. B. Eerdmans Publ. Co.

Информация об авторе

Александра Юрьевна Сгоннова — аспирант кафедры философии и религиоведения Богословского факультета, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 115184, г. Москва, ул.Новокузнецкая, д.23, стр. 5а (Россия)

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Aleksandra Yu. Sgonnova — PhD student, Department of Philosophy (Christian philosophy and Russian philosophy of religion), Faculty of Theology, St. Tikhons Orthodox University, 23B, Novokuznetskaya street, Moscow, Russia, 115184 (Russia)

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 30.10.2022; одобрена после рецензирования 15.11.2022; принята к публикации 07.12.2022.

The article was submitted 30.10.2022; approved after reviewing 15.11.2022; accepted for publication 07.12.2022.